

18+

Вадим Андреев

Кафедра

Повести и рассказы
о любви

Серия книг
„Темные кабинеты“

2021

Одесса

Вадим Андреев

**Кафедра. Повести
и рассказы о любви**

«Издательские решения»

Андреев В.

Кафедра. Повести и рассказы о любви / В. Андреев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553560-3

На Ваше обозрение предлагаю книгу о любви, о сложных отношениях между женщиной и мужчиной с точки зрения мужчины. Книга о самом сокровенном, даже интимном, — с глубоким анализом сокровенного и интимного. Новая книга — совершенно новый для меня стиль и тема. Это не роман, это несколько повестей и рассказов о разных людях — мужчинах и женщинах — и их отношениях. С разных сторон и с разных точек зрения. Новый для меня мир человеческих межполовых отношений...Использованы коллажи и стихи автора.

ISBN 978-5-00-553560-3

© Андреев В.
© Издательские решения

Содержание

Новый мир – Кафедра	6
ЭКГ	7
Домашний компьютер	11
После лекции	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Кафедра. Повести и рассказы о любви

Вадим Андреев

© Вадим Андреев, 2021

ISBN 978-5-0055-3560-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новый мир – Кафедра

Много слышал разного о работе в научных коллективах. Моя мама всегда хотела, чтобы я «пробился» на кафедру, защитился и «стал человеком». Милая мама, как жеты ошибалась, что здесь работают небожители! А я уже тогда познакомился с точкой зрения на это Даниила Гранина в его книге «Кафедра» и увидел потом в жизни много подобное.

И в жизни это оказался целый параллельный мир. К тому же, здесь, как и везде: чем выше забираешься на любую гору, тем больше грязи прилипает к поверхности, которую штурмуешь. И не твоя в этом вина. Любое восхождение связано с грязью и... Надеюсь, у меня хватит времени, сил и жизни изложить когда-то свою точку видения и зрения на жизнь, работу и людей этой когда-то посещенной мной цитадели. Нельзя сказать, что это только омут, но и нельзя сказать, что это стерильное и высоко культурное помещение, заведение, коллектив, стремления и пр.

Когда-то спустя годы и годы я скажу своему фельдшеру скорой помощи, сильно расстроенного тем, что он не поступил в медицинский институт:

«Понимаешь, парень. Ты сейчас пьешь пиво с фельдшерами, обсуждаешь с ними врачей, заведующего, более высокое начальство, критикуешь всех, включая санитарок. Смеешься над больными и их родственниками, обсуждаешь новые и старые законы...»

Когда станешь врачом, то будешь пить пиво с врачами, а обсуждать и критиковать фельдшеров, санитарок, городской и областной отдел здравоохранения, придумывающих новые правила профессоров и доцентов... Смеяться над больными и их родственниками, обсуждать новые и старые законы...

Если станешь профессором, то будешь пить пиво с профессорами, обсуждать доцентов и своих лаборантов, и попутно с ними санитарок, врачей, зам отделением и пр... Смеяться над больными и их родственниками, обсуждать новые и старые законы...

Что изменится? – А ничего! Вот и думай!»

А пока взглянем в этой книге на этот омут с другой стороны. Со вполне определенной стороны, присущей именно точке зрения «темных кабинетов».

ЭКГ

Работал некоторое время в отделении, где часть оборудования было расположено на кафедре. В принципе, это тоже было помещение отделения, но оборудование там стояло и отделения, и кафедры. В качестве поощрения за хорошее поведение и для того, чтобы снять с себя часть забот об их же оборудовании, нам разрешалось при необходимости им пользоваться.

В вечерние часы я вообще пропадал в одном из таких помещений, – с особого разрешения профессора, – где был и старенький кафедральный компьютер. Вообще-то, компьютеры постепенно менялись, но освоить их мне удавалось быстрее кафедральных работников, да и просьбы профессора что-то напечатать для него всегда выполнял во время. Хотя была у нас и машинистка (точнее лаборант, которой было вменено печатать труды и работы профессора), но владение компьютером в ее руках ограничивалось только включением в сеть и выключением из сети. Это потом, когда появился новый более совершенный компьютер, его перенесли в отдельный небольшой кабинет, а до тех пор, пока сам профессор не представлял себе, к чему бы его приспособить, я лихорадочно осваивал его.

Часто сочетал такое изучение с дежурствами по отделению и стационару. Как и сегодня. Мне предстояло дежурить сегодня сутки, и помимо оставленных мне под наблюдение больных, приходилось смотреть всех обратившихся. Иногда приходил кто-то из родственников лежавших в отделении людей и просил померить ему давление. Или задать вопросы сначала о состоянии родственников, а потом плавно начать рассказывать о своих болячках и попросить и их посмотреть.

Вот такая хитрожопая особа в настоящее время сидела передо мной и очень настоятельно просила сделать ей небольшой мониторинг ЭКГ. Вот прослышала она от лечащейся у меня родственницы, что такое у нас на кафедре делают, и очень просила меня это сделать.

– Зачем Вам это? – вяло отбивался я от ее настойчивых просьб. – Это важно для тех больных, у которых нестабильная сердечная деятельность.

Пояснение: Мониторинг ЭКГ требует оборудования, которое в виде небольшого прибора (типа маленького кассетного плеера) подключается к грудным электродам и носится с собой в течении некоторого времени. В зависимости от возможной продолжительности записи этого «плеера» такая запись может длиться от суток до недели. Иногда постоянно, иногда в определенный период времени или при какой-то деятельности больного. Например, во время сна, или в период интенсивной физической нагрузки, или... Словом, как решит лечащий врач. В другие моменты и другим людям это просто совершенно ненужная диагностическая процедура.

Но приспичило этой даме именно в выходные, именно сегодня в мое дежурство (или знала, что я имею доступ к такому оборудованию?) привязаться ко мне с такой настойчивой просьбой. После того, как она пообещала мне хорошо заплатить за такое обследование, а за расшифровку результатов еще и бонус обеспечить, я решил, что в столь трудное кризисное время мне это будет совсем не плохо для семейного бюджета.

– Ладно, проходите за ширму, раздевайтесь и ложитесь под простынь. Скажете, когда будете готовы, – и начал распутывать провода, включать аппарат.

Иногда легче просто сделать то, что тебя просят, – и быстрее, и выгоднее, – чем встать в глухую оборону. К тому же нельзя исключить, что завтра с той же просьбой эта дама придет к другому дежурному врачу или зав отделения и всё равно сделает желаемое и отдаст деньги в бюджет другой, а не моей, семьи. И платят в таких случаях не плохо, и не за само обследование, а скорее за возможность получить что-то такое, что недоступно для других, и что будет потом греть душу себе и вызывать зависть у слушателей. Понты, амбиции...

– Я готова, – я прошел за ширму и начал пристешивать электроды. Руки, ноги, обнаженная грудная клетка, – поехали. – Теперь послушайте меня. Я подключил вам аппарат суточного мониторинга ЭКГ. Сами понимаете, что я не могу отдать Вам его на дом, да Вам и не надо его на долго подключать. Вы говорили, что Вам надо обследовать работу своего сердца в повторяющихся ситуациях. Потому Вы сейчас для начала встанете и для начала походите по кабинету.

Когда она встала, то даже не стала закутываться в простынь, которой до этого накрывалась. А зачем? Фигура не идеальная, но весьма привлекательная. Стройная, хотя немного на мой вкус полновата. Но не безобразно, а весьма так по домашнему, я бы даже сказал, что внушает собственную женственность. Грудь – дыни средних размеров и максимальной зрелости, словно впаянные в кожу грудной клетки и выпирающие своими сосками вперед и чуть вниз. Налитые, упругие. При названной выше полноте прослеживается естественная талия, имеющая продолжение в привлекательных миндалевидных ягодичах и широко посаженных ногах. Бедра без единой складки или растяжки, напоминали вылитую из бронзы метательницу ядра.

Она стояла передо мной и в упор смотрела, как я ею любуюсь. А я этого и не скрывал. Раз уж женщина без команды сама сняла с себя не только верхнюю одежду, но и всё нижнее белье и стоит перед мужчиной, то значит, что она позволяет собой любоваться без внутреннего напряжения. И ее не беспокоит, что на ее лобке и ниже нет волос, которые хоть частично прикрывали бы ее половые органы.

Улыбнулась и попросила стакан воды. Потом прошлась по кабинету, заглянула за другую ширму, опять повернулась ко мне.

– Я убедительно прошу Вас одеть нижнее белье или хотя бы закутаться в простыню, – попросил я. – Сюда могут войти сотрудники кафедры, или мед сестра придет ко мне с каким-нибудь вопросом, или кто-то из родственников больных...

– Да наплевать мне на них всех, – усмехнулась дама. – Если Вас это беспокоит, то запиrite дверь на замок, и тогда неожиданностей не будет. И всех-то делов. А в такую жару кутаться в простынь, да еще неизвестной свежести... Помните осетрину второй свежести? Я не думаю, что контакт этой простыни с моей кожей не является нарушением моего гомеостаза.

Гомеостаз – саморегуляция, способность открытой системы сохранять постоянство своего внутреннего состояния посредством скоординированных реакций, направленных на поддержание динамического равновесия. Википедия

Я встал и запер входную дверь на ключ. Сегодня никого из кафедральных сотрудников не будет, потому можно не волноваться, что кто-то откроет дверь своим ключом. Да и что волноваться, – я провожу исследования по краткому мониторингу сердечной деятельности. Разговоров на кафедре о том, что для этого я раздел женщину до гола, конечно, тогда не избежать. И возможно не только на кафедре... Или просто встанут в дверях и будут тупо глазеть на ситуацию, особенно если в составе «группы поддержки» в лице пациентов и их родственников. Ну да ладно, сегодня выходной, и хватит самому себе трепать нервы.

– Доктор, так когда же мы начнем обследование?

– Так мы начали уже обследование. Я подключил аппарат, он в настоящее время собирает информацию о работе Вашего сердца. Для более полного представления о его работе предлагаю Вам покрутить велотренажер (велоэргометр, если точнее), походить, поприсесть на месте, поделать гимнастику...

– Это всё хорошо, конечно, но проблема в том, что моя проблема начинается не от приседаний, а во время полового акта. Мне не хватает воздуха, иногда словно что-то колет в области сердца.

– Ну не могу же я обеспечить Вам полную имитацию полового акта. Даже если бы был Ваш партнер, как Вы это себе представляете? Вы занимаетесь любовью, а я сижу в кресле и наблюдаю?

– Могли бы и поучаствовать, – рассмеялась она. – Хотя, наблюдать за другим партнером для мужчин всегда не приятно, – ну, за исключением извращенцев, я думаю. Потому предлагаю Вам самому принять участие в обследовании.

– Вы шутите. И считаю эту шутку неудачной.

– Нисколько не шучу, – она подошла ко мне вплотную. – Я никогда не шучу, когда дело касается моего здоровья. Я удвою Ваш гонорар, если Вы проведете обследование в максимально приближенных к действительности условиях.

– Но послушайте, я...

– Утраиваю гонорар. Для начала хотя бы просто послушайте работу сердца и проверьте мои молочные железы на отсутствие в них узлов, – и, схватив мою руку, прижала ее открытой ладонью к своей груди. – Чувствуете, как бьется мое сердце? – Потом она схватила другую мою руку и прижала ладонью к своей промежности. – Чувствуете, как просит продолжения банкета эта часть моего организма?

Да, ее сердце билось несколько чаще среднего ритма, а промежность была влажная. Я не стал отнимать ладонь от ее паховой области, и моя ладонь непроизвольно начала гладить это место. Пациентка посмотрела мне в глаза и кивнула, одобряя мои действия. Ну, погибать, – так с музыкой. А не смейтесь, – я щелкнул клавишей полустационарного магнитофона, который стоял на столе, и который я перед дежурством зарядил кассетой с приятной мелодией, и теперь эта мелодия начала звучать в кабинете. Одобрительный взгляд дамы, ее короткий разворот в сторону кушетки, стойка с упором на руки с высоко поднятым тазом, открывающей прямой доступ к тому месту, где буквально пару мгновений назад начала свои массажные движения моя ладонь.

Я плюнул на всё, на что мог мысленно плюнуть и снял с себя одежду. А своего любимого друга наоборот одел. И сам улыбнулся: не смотря на жару в атмосфере и готовящуюся «жару» в кабинете.

И по предоставленному мне прямому доступу я и проник внутрь не просто горячей, а просто пышущей жаром женщины. Она поерзала из стороны в сторону, примеряясь к новому лечебному оборудованию, удовлетворенно хмыкнула и начала вылить задом, как швейная машинка. Я даже не ожидал от такого хорошо развитого зада такую прыть. Во мне словно что-то, и я тоже начал двигаться ей навстречу. Сила трения на моем стержне была изумительная, – я даже вспомнил анекдот и пожалел, что не одел сразу несколько презервативов и не заткнул нос ватой, – на случай, если начнет распространяться запах паленной резины. Конечно, рассказывать ей анекдот я не стал, чтобы не сбивать со взятого ритма, – да мало ли, покажет мне «красную карточку», как в футболе, и откажется платить. Раз уж встрял в ситуацию, то надо получить от нее максимальную пользу.

Когда я кончил в третий раз, а она в... цатый раз, я рухнул на стул. Мне казалось, что меня вертели в мясорубке, давили танковыми гусеницами, отжали в центрифуге и много чего еще сделали, чтобы выжать из меня все соки. Пришла мысль, что еще один заход я просто не выдержу и сбегу из кабинета прямо вот так, нагишом и с презервативом на члене. И поевать мне тогда будет мнение больных и мед персонала на пути истерического бега.

– Неплохо размялись, – сказала заказчица банкета, снимая сама с себя провода и аппарат. – Ты молодец. У тебя член ну прямо-таки лечебный. Я не теряла дыхания, сердце кольнуло только один раз. Так что жду на завтра на утро расшифровку записей твоей машинки, – сама за ними приеду. Ну и тогда получишь бабла еще и за расшифровку. Да, знаю, знаю я, когда у тебя конец смены. Не опоздаешь «на последнюю электричку». И если что, я тебя сама отвезу домой.

Вот этого не надо, – хотелось взвыть мне, но удалось сдержаться.

– А что? Ты каждые выходные дежуришь? Я тебе пришлю еще клиенток из нашей команды. Так что питайся правильно и обильно, – тебе еще работать и работать на благо твоей семьи. Ну и нашей гандбольной команды, конечно же...

Она захлопнула дверь на щелкнувший замок, а я всё еще никак не мог попасть ногой в штанину и унять дрожь в ногах. Какой-то груженный локомотив, а не баба!

После ее ухода в своей папке я обнаружил весьма приятную сумму денег для семьи, которую она обещала. А дома просто скажу, что обследовал и назначил лечение нескольким больным со стороны. И с вдохновением буду ждать следующих дежурств в выходные дни. Может быть напроситься к ним в команду врачом, если у них так хорошо платят?

Домашний компьютер

Кафедра института усовершенствования получила новый компьютер.

В те времена это было не просто событие. Я даже не знаю, откуда, но после старенького, даже не компьютера, а цифрового устройства без винчестера, это казалось вершиной совершенства. Я не буду называть ни модель, ни ее характеристики. Одно могу сказать, что нынешние мобильные телефоны превосходят его на несколько порядков.

И ни одного сотрудника, кто не только мог бы, но и хотел этим оборудованием владеть в совершенстве. Потому на фоне корифеев своей науки мне пришлось показать и свои умения управления этой техникой. И меня освободили от многих рутинных работ, положенных для «младшеньких», посадили изучать, осваивать и со временем научить других.

— — — — —

— Добрый день, коллега, — в дверях ассистентка соседней кафедры, с которой дружат наши профессор и доценты. Я не особо старался влиться в их коллективы, но не присутствовать на различных мероприятиях тоже невозможно. Особенно «младшеньким». Были, конечно, мероприятия, куда именно «младшеньких» не допускали, но это особая «песня».

— Добрый-добрый день, коллега, — я привстал из-за стола, чтобы приветствовать вошедшую женщину. — Проходите, располагайтесь. Если Вы к профессору, то его нет. Где-то в главном корпусе института, но я не подскажу где. Мне он не докльдывается, — пошутил я.

Она прошла в компьютерную, как мы прозвали небольшую каморку, выделенную для этого, куда поместились только стол с ЭВМ, кушетка да пара стульев. Сiju и мучаюсь, как же ее звать? Аглая, кажется, а по отчеству не помню...

— Я не к нему, я к Вам, — О, Аллах! да сбереги меня от такого пришествия, подумал я. Сподобились, так сказать, снизишли, облагодетельствовали...

— Я внимательно слушаю, Аглая..... Простите...

— Станиславовна. Аглая Станиславовна. Не страшно. А у меня к Вам просьба. Я купила новенький компьютер, и мне надо его наладить. Вы сможете с нуля наладить?

— Смогу. Вы определились, какие программы Вам нужно установить, кроме...

— Вы берите всё с собой, — перебила она меня, — На месте и разберемся. А то мне надо возвращаться на рабочее место.

И ушла. Оставила мне адрес и код замка подъезда и ушла.

В договоренное время я пришел к ней. Я и ранее слышал от «сердобольных» коллег о ее неровной семейной жизни. Точнее супружеской. И много о ее половых приключениях. Ну, люди злые, языки у них не привяжешь, потому говорить они могут много, а правды не знают вообще. Но все как один рассказывали, что замуж вышла не по любви, а по договоренности двух воротил научной мысли. — отца и будущего свекра. Ну прямо дворяне, блин!... А теперь муж-наркоман (другие говорили алкоголик) предпочитает жить отдельно в родительском пентхаусе, а с женой встречаться исключительно на светских приемах. Что ему не нужна жена и всё прочее... Словом, языки злые, годятся только на заливное. Даже о том, что кандидатскую работу она написала не сама, а папа организовал группу аспирантов, которые это сообщают и «склепали», а потом на научном совете просто подмахнули по дружески все подписи, — тоже злые вымыслы.

Хозяйка встретила меня на пороге сама, без прислуги.

— Я отпустила прислугу, чтобы они не мешали налаживать новую технику. Проходите в дом. Нет-нет, не разувайтесь, и не обходите ковры, топчите их. Уборщица всё приберет. Давайте я покажу квартиру. Вы же у меня никогда не были... А можно мы договоримся общаться на «Ты», когда мы без свидетелей. А то как-то так претензионное общение получается. А вот это у меня столовая. Вы обедать будете? Ой, прости, Ты обедать будешь?... —

и трещала, трещала, трещала. Уши, что ли, нашла мои пустые. Если честно, то после суточного дежурства и потом целого дня работы на кафедре я не был расположен болтать.

Наконец-то она провела меня к компьютеру. Не плохой комп для этого времени, но видел я в продаже у друзей и более навороченные. Хотя сам еще тогда и такого, как на кафедре, себе позволить не мог.

– Хорошо, – сказал я после знакомства с его характеристиками. – Что кроме системы будем на него ставить.

– А что нужно? И что можно?

Я стал перечислять ей варианты программного обеспечения, которое я мог поставить ей бесплатно. Ну, т. е. она производителям программ не будет ничего должна, – только мне за установку. Она обрадовалась, что за собственно программы не будет платить.

– До поры, до времени. Их надо время от времени обновлять, чистить от вирусов и проводить профилактические мероприятия. Если сможете, – сделаете сами. Если не сможете, – приглашайте меня, – сказал я ей, «закидывая удочку» на будущее.

Она начала записывать на бумажку перечисляемые мной программы. Выбирала по принципу «всё надо, когда-то пригодится». Потому я постепенно понимал, что парой часов, как я рассчитывал, не обойдется. Вздохнул, – хорошо хоть не бесплатно буду работать и пообещали заплатить!...

Собеседница она как по мне так не очень хорошая. Что-то молола про отношения с сотрудниками, коллегами в отделении, в институте, соседями по даче родителей... Я слушал в пол уха, больше обращая внимание в группах цифр на экране. Она при этом постоянно влезала своей головой перед моей, чтобы посмотреть в экране, что же там происходит. Ну, с ее слов, училась она так. Зато в это время я смог разглядеть и ее ягодички без трусов сквозь прозрачный пеньюар, и отпадную грудь, – как через пеньюар, так и в глубоком вырезе.

Я насмотрелся на ее ножки, которые она закидывала и так, и этак, сидя рядом, и даже разрешала одеянию обнажать эти ножки до самого паха. Правда, я уже ранее, – еще в кабинете, – заметил, что ножки ее на самом деле подвели. Коротковаты! Если самое стандартное соотношение ножки/туловище составляет что-то приблизительно один к одному, а те, у кого «ноги от коренных зубов» один к почти двум, то Аглия имела почти обратное соотношение. Т.е. ноги были в полтора-два раза короче туловища. Нет, она не выглядела уродкой, – просто умела прятала под длинными нарядами такое соотношение. А в конце-то концов, я не с ногами обычно сношаюсь, а с тем, что между ними. Так что как к монаху разница!...

Когда она принесла мне чай с печеньями, то умудрилась вылить на меня половину стакана, из-за чего я был вынужден снять брюки и повесить их на кухне сушиться. При возвращении к компьютеру обнаружил, что она уже сидит на моем месте и смотрит в экран.

– Садись рядом, нам должно хватить места на стуле.

– А давай я сяду сам, а ты садись на мое колено. Мне так будут свободны обе руки для работы.

Она не просто села на мое колено, – она села так, что поставила между моими ногами свои ножки. После этого стала буквально елозить им по моей промежности. Но зная административный рост ее папы и «высоте его сидения» и не убирал руки от клавиатуры. В момент, когда она пошла зачем-то в другую комнату, я откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Болела спина, хотелось спать, хотелось есть. Видимо, я на секунду задремал. Пришел в себя от того, что Аглия сидела у меня на коленях верхом и массажировала мне плечи.

– Устал? – сочувственно поинтересовалась она. – Может быть приляжешь?

Я подумал, что если немного не полежу, то работать не смогу. Она отвела меня на кровать и уговорила раздеться. А на грани засыпания я почувствовал, как она прилегла рядом и обняла меня. Я лег на спину и сразу же одеяло было ею откинута в сторону, трусы с меня ее руками словно ветром сдуло, и она впиалась (другого слова и не подберешь) мне в пах, бук-

вально засосав мой еще не подготовленный член к себе в рот. Я не стал сопротивляться. Кто знает, как со мной хотели расплатиться. Может именно так? А если откажусь от такой оплаты, вдруг выгонят?

Долго член в бездействии не находился. Он стал расти и выпрямляться.

– Ой-ла-ла! – или что-то подобное изрекла Аглая, на мгновение отрываясь от интимного места. И стала языком водить от корня члена до головки, потом назад к корню. И так несколько раз. Потом опять посасывает головку, хотя теперь ей это сделать становится труднее, потом опять лижет.

Когда оба партнера оказались готовы к соитию, – а решала это сама заказчица, то она просто села на меня верхом и без лишних церемоний ввела в себя инструмент. Ну, кто платит, тот и музыку заказывает. С первого же раза воткнула до самого корня.

– Ой-ла-ла! – повторилось снова, но с таким страстным придыханием, что даже мне понравилось.

Я теперь понимал, почему такой плохой спрос на женщин с короткими ногами. Она-то села верхом, но вот встать на колени для фрикции в такой позе не может. При выпрямленных ногах, когда приседает над мужчиной, как над горшком, тоже не все варианты коитуса возможны. Даже соскакивать с «крючка» непроизвольно будет чаще, чем длинноногая с хорошим упором. И как вот ее еще и «раком» поставить? Ведь я буду выше ее на столь большое расстояние, что она просто будет скатываться, соскальзывать с члена.

Но сидящая на моем «крючке» старалась сама и с восторгом это делала. Член вошел глубоко, что ей явно очень понравилось. Она смешно на нем подскакивала, и, как мне показалось, стала быстро уставать. Надо выручать.

Положил ее лицом вниз, подогнул ее ноги под нее, выгнув тазом немного вверх. Подвинулся на коленях так, чтобы мой член был в положение «смирно вверх». Аглая не противилась. Присадил ее на этот стоящий столб, потом надавил и ввел так, как она это делала: одним «ударом» и до корня члена.

– Ой-ла-ла! Черт! Да ты меня буквально насквозь проткнул, – воскликнула она. Да, и я на самом деле почувствовал, что влагилице у нее оказалось меньше, чем мой член. И я не сломал его только потому, что ткани стенок женского органа растяжимые. Но удар о дно влагилица и шейку матки я тоже почувствовал. – Знаешь, а это даже приятно, такие удары!. И чувствовать себя шашлыком на таком шампуре тоже в кайф...

Она задышала часто и глубоко, что не дало ей продолжить хвалебный речитатив. Чуть приподнимаясь, она снова и снова повторяла такой понравившийся ей удар снизу в дно влагилица. Подпрыгнув так несколько раз взвыла и стала скрести пальцами по простыне. Ну, раз такое дело, я чуть приподнялся, завалил ее, не выходя изнутри, просто на живот, и стал быстрые челночные движения, чтобы скорее кончить. Она стала подо мной извиваться, мотать ногами, скрести руками, но я уже на это внимание не обращал. Кончал упершись в шейку матки, сам подергиваясь и не давая ей из этого положения «соскочить». И замер на ней, прижав всем весом к постели.

– Отпусти, медведь, – послышалось мне снизу. – Отпусти.

Аглая выбралась из-под меня и убежала куда-то. Я откинулся на спину и закрыл глаза.

Почувствовал, что сначала мой член облизали, потом обмыли мягкой мокрой тканью, потом осушили промоканием какой-то мягкой сухой тканью. Открывать глаза не хотелось. Я только почувствовал, как она прилегла рядом и прижалась всем телом.

Когда я проснулся, дама крепко спала у меня на руке. В голове пронеслось:

...И согласитесь, какая прелесть, мгновенно в яблочко попасть почти не целясь.

Орлиный взор, напор, изящный поворот и прямо в руки запретный плод.

О наслаждение – скользить по краю, замрите Ангелы – смотрите, я играю...

Моих грехов разбор оставьте до поры, вы оцените красоту игры...

Я осторожно вынул руку и на ее место подложил подушку. Не одеваясь, я пошел к компьютеру. Возился с ним некоторое время по списку, который писала Аглая.

Нежные руки сначала обняли меня сзади за шею. Потом она переместилась ко мне на колени верхом и прижалась всем телом.

– Прости, я тебя даже не покормила. Ты, наверно, умираешь с голоду?

Я тоже обнял сидящую на мне женщину, обнимающую меня руками и ногами, вспоминал свои ощущения недавно в постели и чувствовал, как голод в желудке отступает на второй план, а голов между ного постепенно всё более явно выпирает наружу. Это почувствовала и партнерша, одной рукой проверила, правильно ли она поняла то, что стало происходить у нее в паху, откинулась немного назад и со вздохом вела нащупанное рукой в себя.

Член не был абсолютно готовым для сношения, но вошел легко и спокойно, и уже внутри Аглаи стал приобретать нужные характеристики. И чем больше он увеличивался в размерах, тем больше расширялись ее зрачки.

– Вот это только недавно было во мне? – прошептала она. – Да это просто сказка! Ты закончил с этим дурацким компьютером. Вот и хорошо.

И стала вдохновенно упираться ступнями в стул, приподниматься и с силой насаживать, насаживать, насаживать себя... на меня. В этом положении стало получаться несколько не так. Или она была внутри суше, чем в первый раз. Или член вырос в ширину. Но он не хотел скользить внутри, плотно прилегал к ее стенками и словно как-бы тянул вместе с собой и на себе ее слизистую вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад... Не договариваясь, мы решили не менять позы и посмотреть, что из этого получится. Но получилось то же самое, – взаимный оргазм. И снова она кончила раньше меня, а я стал подбрасывать ее, обмякшую, на члене верх, в результате и сам быстро кончил.

Аглая сидела у меня на коленях верхом в той же позе, в которой мы начали второй раз: обняв меня руками и ногами.

– Ты придешь еще чинить мой компьютер? – прошептала она мне на ухо.

– Нет, меня здесь не покормили ни разу. Я просто не дойду до дома и умру от голода, – ответил я ей тоже шепотом.

Она вскочила, как девчонка, ойкнула, потому что столь быстрое извлечение дало и сильное истечение из нее различных жидкостей.

– Я сейчас, – и убежала. Сначала я услышал шум воды в душе, потом звон посуды в кухне, потом... А потом мы пообедали прямо здесь же, за компьютерным столом.

– Сегодня было опасно в меня кончать, но я приняла таблетки еще после первого раза. Но мне те нравится пить таблетки, – рассуждала она вслух, сидя опять у меня на коленях и подавая мне через плечо куски мяса птицы, овощей, хлеба. – Тебе надо приходиться чинить компьютер и учить меня им пользоваться в такие дни, когда можно безопасно кончать в меня.

В какой-то момент она с удивлением повернула ко мне голову. И не удивительно. В паху у нее стал оживать мой лучший друг, – мой Змей!

– Это хорошо, что ты никак не утомился, – сказала она и попыталась повернуться ко мне лицом всем телом. Но я этого не позволил. Остальное она досказывала уже просто прислушиваясь, что творилось у нее в паху. – Но у меня там с непривычки немного беспокоят потертости, и моей «девочке» надо немного отдохнуть...

А в паху у нее выростал во весь рост молодец, а обнявшие ее в области таза мои руки уже проникли между ее половых губ и начали там свой глядящий танец по губам, между ними, около входа в более глубокую область и, наконец-то, станцевали на клиторе. Когда она стала задыхаться от рвущихся из ее горла стонов, я без проблем и сопротивления ввел в нее

давно стоящий между ее ног член. В таком положении вогнать его достаточно глубоко проблематично, но она изогнулась всем телом, чтобы принять его в себя как можно глубже. Так и застыла, когда кончила от моих пальцев. Ну а я положил ее животом на компьютерный стол и между свесившихся ног довершил движения органа в органе до уже моего победного конца. Ага, был достигнут конец на конце. Класно сказал.

От изнеможения я просто осел опять на стул, а она сползла ко мне на колени своими ягодицами, оставаясь лежать на столе всей грудной клеткой и головой.

– Скажи, – вдруг встрепенулась Аглая спустя некоторое время. – А зачем тебе ехать к себе домой? Разве моя постель не мягкая или не теплая?

А на самом деле, зачем? Меня там никто так радужно не ждет. Никто так сытно не накормит ни мой желудок, ни мой член.

– Хорошо, уже поздно, да и я устал с твоим компьютером. Пошли спать. Дай я только доем вот это, – и я мотнул головой в сторону последней не опустошенной тарелки.

– Ты не беспокойся, я тебе приведу много богатых клиентов. Они сейчас понакупляли кучу компьютеров, а пользоваться никто не может. Будешь подрабатывать у них, а свои изнуряющие ночные дежурства забросишь. И переезжай жить ко мне.

– Нет, я тебе буду приезжать, потому что при ежедневном общении на работе и в постели быстро надоедим друг другу. А мне бы этого не хотелось.

– Правда, не хотелось бы? – подскочила она.

– Правда, правда. И еще меньше мне хотелось бы встретиться здесь с твоим мужем и отцом.

– За это можешь не беспокоиться. Муж был здесь один только раз, когда забирал меня на какое-то торжество. Больше не поднимался, когда снова заезжал, т. к. я ему устроила такой скандал! Впредь он дожидался меня в машине. А папа... Он не будет против, если мне будет хорошо. Так что...

– ... Так что пошли спать. Если ты не хочешь сама меня волочить спящего в постель.

Утром я нашел в кармане солидную сумму денег и не стал отказываться. Какая разница, за компьютер мне заплатили, или за ночевку с хозяйкой компьютера...

А через день я получил свой первый вызов уже как компьютерный мастер... Вызывала одна из подруг Аглаи после ее лестного отзыва о работе.

После лекции

Я человек маленький. Сказала доцент собрать и унести в хранилище плакаты после лекции, – надо выполнять. Даже если у меня есть задание от профессора. Нельзя тыкать доценту, что она только доцент, а ОН – ПРОФЕССОР! Тем более, что доцент – женщина. Если обидится, – может много пакостей потом сделать.

Я присел в лекционном зале и читал книжку. Плакаты от меня никуда не уйдут, а если кто-то и заглянет, то «я выполняю задание доцента»! А если закончу и буду сидеть без дела, то найдут еще какое-то поручение. Словом, подальше от начальства, поближе к закуткам. И к концу рабочего времени. Ну да ничего. Никто из доцентов не вечен. Кто-то перемещается в профессора, кто-то уходит на другие кафедры или институты, или вообще уходит. Чаще всего они люди и без работы обеспеченные.

За окном уже серело, когда в аудиторию заглянула дамочка.

– Простите, я здесь, кажется, тетрадь забыла. Вы не находили?

– Посмотрите. Уборщица еще не приходила. Я только плакаты перебираю, – ответил я и заинтересованно смотрел на нее.

Мне всё равно что разглядывать. Хотя интересная дамочка приятнее неинтересной книги. Пот и теперь, странная почти нэпмановская прическа, точнее прическа как у Эдит Пиаф. Короткий пиджачок на полупрозрачную блузку. Короткая юбка с длинным разрезом сзади, под которой ажурные чулки на длинных резинках (значит, есть и пояс для этих подвязок! – наблюдение становится всё интереснее). Ну, точно образ Эдит Пиаф! Или того времени, уж точно.

– Кстати, Меня звать Римма. А Вас? – курсантка уже ходила по залу и разглядывала плакаты. Их, конечно, показывали во время лекции, но теперь можно было рассмотреть внимательнее и без риска упустить что-то из речи лектора. Но перерисовывать что-то дополнительно не стала.

– Вы нашли тетрадку? – спросил я после того, как назвался тоже.

– Да, нашла. Мне уже пора уходить отсюда? – жалобно спросила она. – В общежитии так грустно, что хочется убежать подальше от него и не скоро возвращаться туда. Давайте я помогу их... А что с ними надо делать?

– Вообще-то перенести в бытовку, приспособленную под хранилище. Но там довольно пыльно и нет света. Если боитесь темноты, то...

– Нет, нет, нет. Я темноты не боюсь. Давайте помогу, – она повесила сумку с тетрадью на плечо и стояла передо мной готовая к работе. Я выбрал несколько тех плакатов, что не будут нужны на следующей лекции и протянул ей. Сам тоже взял связку плакатов, и мы пошли по коридору.

Бытовка не была бы тесной, если бы не длинные горизонтальные стойки для развешивания плакатов. В два, а в некоторых местах и в три яруса умудрились выстроить этих монстров. Разной длины и разных размеров учебные плакаты висели по всей глубине и ширине помещения. Никто точно не знал где что висит, и для каждой лекции лектор выискивал в этой куче что-то, что подходит для его тематики, перевешивая в своих поисках остальные. А потом вот так же и вешал их назад в беспорядке. Словом, каждый перемешивал их, как мог.

Освещение здесь было изначально, но когда перегорела лампочка у доцента, и уж тем более у профессора, то все первым делом бежали вывинчивали лампочку именно здесь. Думаете кто-то озаботился потом ее сюда вернуть или ввинтить новую? Правильно, забывали! Даже дверь вечно забывали просто захлопнуть, пока профессор не приказал поставить на дверь возвратную пружину для того, чтобы она сама захлопывалась. Однажды так уже извлекали отсюда кого-то из доцентов, кто в темноте выбирал себе плакаты, дверь захлопнулась, а ключ остался

снаружи. Кладовка-бытовка была в самом конце тупикового коридора, никто здесь не ходит. А если и ходит, то однозначно не будет реагировать на звуки из кафедрального помещения.

Мы зашли в бытовку. Я открыл дверь на всю ширину для освещения. И оставил ее распахнутой. Начали пробираться вглубь, развешивая по несколько плакатов там, где было еще возможность их пристроить. Иногда они обрушивались, и приходилось перевешивать не только свои, но и обрушенные.

Мы почти закончили развешивать принесенное, когда захлопнулась дверь. Темнота такая, как в глубоком подвале. И ти-ши-на!

– Ой! – вскрикнула курсантка Римма. – А что это было?

– Это очень неприятное случилось. Теперь нам надо ждать, что в этот мало посещаемый тупик кто-то придет и откроет нам дверь. Здесь уже такое было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.